

ԿԻՅԵՐԻՐԱՆՆԵՐ

Дуглас
Ричардс

ОΙΚΟ
ΡΑΖУМА

ГРАНД МАСТЕР

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
P56

Douglas E. Richards
MIND'S EYE

Copyright © 2013 by Douglas E. Richards

Ричардс, Дуглас.

P56 Око разума / Дуглас Ричардс ; [пер. с англ. А. В. Филонова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Кибертриллер).

ISBN 978-5-699-99651-3

Он пришел в себя в мусорном баке, ничего не помня о том, как попал сюда. Чуть позже он обнаружил, что абсолютно ничего не помнит также и о том, как его зовут и кто он такой. Далее он осознал, что свободно, простым усилием разума входит в Интернет и стремительно передвигается по запутанным лабиринтам Всемирной паутины. Затем к нему пришло осознание, что он запросто может читать мысли и намерения окружающих его людей. И тут он «увидел», что один из этих людей, находящийся совсем близко, хочет лишь одного — как можно скорее убить его...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-99651-3

© Филонов А.В., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Парадокс реальности в том, что наиболее притягателен образ, видимый только мысленным взором.

Шана Александер

Смрад был настолько ужасен, что, казалось, атаковал каждую клеточку его организма — омерзительная вонь гнилья и протухшей пищи, богомерзкого потустороннего месива схлестывающихся между собой десятков запахов, каждый из которых отвратителен сам по себе, но в сочетании они поистине тошнотворны самым невероятным образом.

Осознав, что тонет в этом тлетворном облаке, он запаниковал, но почему-то никак не мог вдохнуть, словно позабыл, как это делается; будто его мозговые связи, запускающие произвольную дыхательную реакцию, были начисто перерезаны садовым секатором и больше не вели к груди или легким. Он не сомневался, что жить ему остаются считанные секунды.

И вдруг на малую часть его рассудка снизошло озарение, и он понял, что вовсе не тонет, а пребывает в самой гуще яркого реалистичного кошмара, и его дыхательный рефлекс отказал, потому что он находится в мире грез, а его физическое тело спит и парализовано. Он вложил всю свою волю в мощный рывок, чтобы сбросить сокрушительно тяжкую пелену забывтья, и мгновение спустя все его сознание вырвалось на поверхность, как ныряльщик, слишком долго пробывший в сумрачных и холодных океанских глубинах и ускользнувший от смерти как раз вовремя.

Полностью придя в сознание, хотя и не оклемавшись до конца, он ощутил тяжесть век, перекрывающих его

взор. Услышал шепот в сознании, десятки шепотов. Улавливал отдельные слова и фразы, выхватывал образы. Калейдоскоп деятельности прямо под поверхностью, сливающийся в белый шум; нескончаемая болтовня сотен безостановочных пустомель, треплющихся одновременно. Он тряхнул головой в попытке остановить бесящие шепоты в сознании, но тщетно.

И с досадой открыл глаза.

Его встретила абсолютная, непроницаемая тьма.

Борясь с паникой, нахлынувшей с преумноженной яростью, он осторожно протянул правую руку — и был вознагражден, когда она вошла в контакт с гладкой поверхностью, на ощупь напоминавшей сталь. Продолжил зондирование окружения — и секунду спустя ладонь вошла в контакт еще с одной поверхностью над головой. Крышка. Из стали, как и найденная стена.

Крышка была тяжелой, но, подняв обе руки выше плеч, он сумел толкнуть ее вверх, затопив свое узилище ослепительным светом. Продолжал толкать, пока не достиг поворотной — в прямом смысле — точки, и крышка откинулась на петлях, шумно грохнувшись о боковину стального контейнера.

Еще до того, как зрение успело приспособиться к свету, он увидел, что находится в живом море мусора, до половины заполнившего большой ящик, покрашенный зеленой краской знакомого оттенка.

Он внутри мусорного контейнера.

Вид мерзких отходов вкупе с запахом вынудил его сделать то, чего его тело в беспамятстве ухитрилось избегать до этого момента. Он перегнулся пополам, и его стошнило, хотя желудок был, вероятно, почти пуст, потому что все ограничилось позывами и сухими спазмами, не выдавив почти ничего.

Он высунул голову над краем контейнера промышленных размеров. Глаза уже полностью приспособились к свету. Он находился на задворках чего-то вроде торгового ряда, и, судя по помоям, в которых он сидел, изобиловав-

шего гастрономами, бакалейными и мясными магазинами и ресторанами с пунктами смены подгузников.

Выкарабкавшись из контейнера, он захлопнул за собой крышку, радуясь, что никто этого не видел. Пусть он и провел ночь в помойке, но явно не утратил хоть жалких остатков гордости.

Осмотрел себя. Обут в кроссовки, одет в черную футболку и джинсы, покрытые кляксами жидкостей неведомого рода, в том числе и той, что могла быть кровью — а может, и нет.

Что он делал в помойке? Он начал обшаривать память.

И не нашел ровным счетом ничего.

Как же это надо нализаться, чтобы не запомнить ночлег в гробу, набитом помоями?

Он ахнул, когда до рассудка дошла куда более существенная истина. Мир прямо-таки заходил ходуном, когда его потрянуло от бессилия: он не мог вспомнить *вообще ничего*. Не только того, как попал в помойку, а вообще откуда явился на этот *свет*.

Он тужился припомнить хотя бы свое имя, но тщетно.

Обшарил карманы, но не нашел ни бумажника, ни каких-либо документов.

Что за дела?

Пульс зачастил, перевалив далеко за сотню ударов в минуту, и голова от шока и выброса адреналина закружилась. Надо успокоиться. Надо *подумать*.

Ему нужна помощь. Врач. Способ выяснить, что случилось и кто он такой.

Но сосредоточиться ему было трудно. Шепоты и образы в рассудке не отступали, и он не мог вообразить ничего более сбивающего с толку или пагубного для организованного мышления. Остановить их он вроде бы не мог, зато мог хотя бы отчасти подавить, загнав в более глубокие и менее выпячивающиеся уголки сознания. И все равно не мог не гадать, сколько еще сможет выдержать, не лишившись рассудка.

Или уже лишился?

Нет. Не может быть. Он *чувствовал*, что рассуждает вполне разумно. И совершенно здраво.

Он расхохотался. «Уж конечно, — подумал он, — я ничуть не менее рассудительный и здравомыслящий, чем любой другой субъект, лишившийся памяти, проснувшийся в помойке и слышащий голоса в голове».

И что теперь?

В его нынешнем виде всякий, к кому он обратится за помощью или еще за чем-то, *учует* его еще прежде, чем увидит, и рванет куда подальше во всю прыть. Прежде чем приступить к чему бы то ни было другому, надо помыться и принять презентабельный вид.

Он огляделся. Вдали, за пустырем, поросшим травой и чахлыми кустиками, углядел заправку «Шелл» с возносящимся высоко над станцией знакомым символом желто-красной раковины; знакомство знака как-то утешило его. А еще там должен быть туалет.

Он тотчас же направился к знаку и пять минут спустя вышел к узкому переулку, где помедлил, чтобы пропустить единственный проезжающий автомобиль с открытыми окнами и орущей музыкой.

Песню он узнал сразу же. Логично. Он мгновенно вспоминает слова первой подвернувшейся песни, но не имеет ни малейшего понятия, где живет, да и вообще что бы то ни было о себе...

За рулем сидел парнишка лет семнадцати-восемнадцати.

— Опа, чё это с этим чуваком? — отчетливо услышал он слова водителя, когда машина проезжала мимо. — Он чё, не слыхал о такой штуке, как *душ*? — добавил подросток, а потом интонации его изменились, выдавая тревогу и замешательство. — У него чё, *кровь* на шее?

Но человек без прошлого понимал, что не мог слышать этого, потому что в это самое время смотрел на водителя — *и губы у подростка даже не шелохнулись*. Кроме того, автомобильный приемник выдавал слишком много децибел, чтобы он мог расслышать слова настолько от-

четливо, даже если б подросток *действительно* их произнес.

Его снова замутило. Эта последняя реплика, которую он *якобы* слышал, была просто очередным голосом у него в голове, куда более громким, чем фоновый гомон, и таким внятными, словно он тогда сидел с пареньком в машине.

Он энергично тряхнул головой, как пес после купания, но голоса остались. Затем пересек узкий переулочек и через считанные минуты приблизился к «Шелл». Мужской туалет оказался тесной клетушкой на одного человека позади главного здания станции, и чуть приоткрытая дверь сообщала, что «удобства» пока свободны.

Войдя в тесную уборную, он аккуратно закрыл и запер за собой дверь.

Поглядел в зеркало — дешевое, грязное и малость кривое, — но не узнал лицо, взиравшее на него оттуда. Впрочем, одну вещь он узнал тотчас же — засохший ручеек крови, сбегавший от линии волос, и целый колтун запекшейся крови на голове.

И тут же вытаращил глаза, припомнив слова подростка за рулем проезжавшей машины. Должно быть, слова ему померещились. Парнишка сказал, что у него кровь на шее. Довольно точно для галлюцинации. Осторожно ощупав свой скальп, он нащупал чувствительное местечко, в котором его пальцы распознали запекшуюся кровь и свежий струп, и быстро отдернул руку, чтобы случаем не вскрыть рану.

Снова уставившись в зеркало, он продолжил изучение собственной персоны. Ладно скроен; черные как смоль волосы на голове зачесаны назад, на щеках одно- или двухдневная щетина. Зубы идеально ровные, хотя у него забрезжило ощущение, что в этой безупречности изрядную роль сыграли несколько лет в брекетах, субсидированных любящими родителями, припомнить которых он не мог. Не классический красавец, но лицо достаточно симметричное и мужественное, чтобы привлекать особ

противоположного пола, как ему показалось. А росту, наверное, чуть меньше шести футов.

Сняв с себя омерзительную рубашку, волглую во многих местах, где она впитала соки и запахи, он швырнул ее в мусорный бачок в углу, брезгливо наморщив нос. Тело поджарое и мускулистое, грудь безволосая.

Он вглядывался в себя несколько долгих секунд, силясь вернуть память. Не тут-то было.

К счастью, в уборной имелись дозатор жидкого мыла и уйма бумажных полотенец. Он отдраил каждый дюйм лица, шеи и туловища, вымыл грязь и кровь из волос, не жалея жидкого мыла для рук, но не забывая проявлять особую аккуратность рядом с раной. Наделал луж в одноместном туалете, моя голову над крохотной раковиной, как мог, и пригоршнями плеская воду на волосы, пока не смыл все мыло. Потом спустил джинсы и отдраил ноги. Выйти из туалета без рубашки куда ни шло, но штаны надеть придется, понимал он, с большой неохотой натягивая их.

Из толпы вдруг выбился ясный голос.

Из десятков шепотов и образов в его голове один прорвался сквозь гомон, явив себя его сознанию. Вид мужского туалета снаружи. Того самого, где он как раз находился.

Он напрягся, чтобы сфокусироваться на образе, даже не понимая, почему его подсознание решило, что именно этот шепоток нуждается в столь экстренном внимании. Дверь туалета была видна сквозь ветровое стекло автомобиля, заезжавшего на стоянку «Шелл». Он увидел палец, нажимавший на сенсорный экран мобильного, чтобы набрать номер, а затем телефон скрылся из виду.

— Я нашел нашего парня, Холла, — услышал он с внезапной ясностью, и на миг вспыхнул образ лица, которое он разглядывал в зеркале за считанные секунды до того. *Его лица.*

Вот только сейчас он в зеркало не смотрел. Ощутил, что должен *быть* этим Холлом. Однако это имя не про-

будило ни чувства «а ведь правда», ни шквала воспоминаний.

— Дай остальным знать, что могут сворачиваться, — продолжал голос. — Удача улыбнулась моему посту.

Эти слова сопровождало мимолетное видение крыши здания близ торгового ряда и бинокля, озирающего окрестности.

И снова человек в туалете, решивший временно присвоить имя Холла, пока не узнает иного, понял, что не слышал ни одного из этих слов. Во всяком случае, ушами. Но тем не менее прозвучали они с предельной четкостью.

Он читал мысли этих людей.

Да, это невозможно, но сомнению уже не подлежит. Может, он и не знает о себе ничегошеньки, зато ни капельки не сомневается, что верит в науку и не верит ни в теорию заговоров, ни в призраков, ни в инопланетян, ни в экстрасенсорику.

Но экстрасенсорика — единственное доступное объяснение. Что безумнее — слышать голоса в голове или думать, что читаешь мысли? Пожалуй, что в лоб, что по лбу, решил он.

«Заставил же ты нас побегать, Холл, — ясно расслышал Холл и понял, что это невысказанная мысль, хотя и не представлял, как это понял. — Но теперь ты отбегайся, сучонок».

— Без понятия, — продолжал человек, на этот раз вслух — несомненно, в ответ на вопрос. — Важно, что мы предположили, что он лег на дно, и оказались правы. Кому какое дело, где... Должно быть, подумал, будто ускользнул от нас, потому что я засек его прямо на открытой местности — просто идущим через голый пустырь. Машины у него не было. А эта заправка — оазис посреди пустыни. Так что я смогу убрать его без шума и пыли. Без свидетелей.

Он помолчал.

— Перезвоню, когда он будет трупом.

Холл мгновенно решил действовать так, словно он не безумен и слышанные им голоса полностью соответствуют истине. Если человек за дверью хочет его смерти, не остается ничего другого, как принять это допущение.

Он ясно читал в сознании этого человека растущее нетерпение. Жертва торчит в сортире уже давно, думал тот. И хотя изначально он планировал идти за преследуемым по пятам, поджидая возможности пристрелить его в уединенном местечке, теперь убийца заметил, что вокруг ни души, и пришел к заключению, что выстрел с глушителем в голову, как только Холл высунется из туалета, а то и два-три выстрела на уровне груди сквозь закрытую дверь распрекрасно сделают свое дело.

Холл прикинул, что у него от силы сорок пять секунд, чтобы найти выход. Его рассудок работал на всю катушку, несмотря на присутствие в голове мириадом голосов. Если его экстрасенсорные способности *настоящие*, стоит открыть дверь, и он покойник, — а может, даже раньше. Ни в туалете, ни у него самого ничего такого, что могло бы послужить оружием, — ни монтировок, ни зажигалок, ни ножей. Ничего, кроме воды, небольшой пластиковой корзинки для мусора, диспенсера полотенец и фирменной туалетной бумаги.

Он мог бы попытаться проломиться сквозь стену напротив двери в надежде, что это общая стена с основным зданием заправки, и уже собирался так и сделать, когда вдруг понял, что может запросто прочесть мысли даже не догадывающегося об этом заправщика, изолировав их от остального галдежа. Даже попытка совершить это подымет в здании достаточно шума, чтобы заправщик вышел поглядеть, в чем дело.

Но, уже заноса обутую в кроссовку ногу для удара пяткой в стену, Холл понял, что опоздал. Он уловил твердую решимость в уме преследователя и понял, что тот уже пересекает десять ярдов, отделяющих его от двери, держа пистолет с глушителем под своей серой хлопчатобумажной ветровкой.

В рассудке Холла материализовался отчаянный план. Он бесшумно отжал серебристую кнопочку посередине дверной ручки, отпирая замок.

Тот продолжал искусно приближаться, не издавая ни звука. Пять чувств Холла вряд ли засекали бы, что снаружи кто-то есть, не говоря уж о его точном местоположении, но шестое, которым Холл теперь обладал, позволяло ему видеть глазами нападающего, так что он мог со сверхъестественной точностью определить, когда бросаться в атаку.

Он предельно резко распахнул дверь — изо всех сил — в тот самый миг, когда человек перед его мысленным взором начал поднимать пистолет, и с удовлетворением ощутил, как ручка двери, а за ней и дверь всем своим весом врезаются в вытянутую кисть и предплечье.

Нападавший был изумлен сверх всякой меры, а Холл краешком сознания отметил, что его экстрасенсорное восприятие должно быть настоящим, иначе на пути двери был бы только воздух. И метнулся к пистолету, пока противник не оклемался от шока и минимум двух сломанных пальцев.

— Стоять! — бросил раздетый по пояс Холл гортанным повелительным тоном, но достаточно тихо, чтобы не слышал заправщик. И понял, не глядя, что сотни голосов в голове по-прежнему доносятся из торгового ряда через дорогу, а они с противником вне поля зрения заправщика и двоих посетителей, заправляющих машины прямо сейчас.

— Повернись, — приказал Холл. — Руки за голову. Кто ты?

«Блин, — прочел он в мыслях несостоявшегося убийцы. — Ни хера себе... Как этот тип услышал мое приближение?»

Тот повернулся, перебирая в уме возможные контратаки. Подумал о запасном пистолете в кобуре на лодыжке, прикидывая, удастся ли, разыграв рвотный позыв, перегнуться пополам и дотянуться до него вовремя. И решил,